

Алексей ЛОГУНОВ

ЖИТИЕ ИВАНА ПАНЬКИНА

Иванов в Туле всегда было много. А лет тридцать назад приехал сюда еще один – Иван Панькин, писатель. После окончания Высших литературных курсов предложили ему для жительства два города – Тулу и Одессу. Иван выбрал Тулу, где стал работать в книжном издательстве.

– Ну и чудак же ты, Иван, – не раз по-дружески говорили ему новые товарищи, тульские литераторы. – В Одессе море, солнце, корабли со всего света... Романтика! А что в нашей Туле? С Косогорского завода – дым, с оружейного – трескотня да грохот... О чем писать-то будешь?

Иван не обижался на новых друзей. За свою жизнь он научился ценить доброе слово, даже сказанное мимоходом.

А жизнь у него была замешана круто, не жизнь – а житие! Еще в раннем детстве осиротел, беспризорничал, выступал в московском цирке в акробатических номерах, ходил юнгой в заграничное плавание... А когда началась Великая Отечественная, он, девятнадцатилетний матрос, оказался на фронте, в составе батальона морской пехоты. Был тяжело ранен: осколком перебило позвоночник.

После долгого лечения в госпиталях оклемался, но на всю жизнь остался инвалидом.

Волей судьбы оказался Иван в Новосибирске, – работал мастером на радиозаводе. Здесь написал свою первую книгу – «Начало одной жизни», за которую его приняли в Союз писателей СССР.

А потом был Литературный институт и Высшие литературные курсы в Москве, куда на лекции Иван приезжал из общежития вместе с маленьким сыном Вовкой (Маша, жена его, жила со старшей дочерью в Новосибирске).

Виктор Астафьев в документальной повести «Зрячий посох», опубликованной несколько лет назад в журнале «Москва», посвятил Ивану Панькину пронзительно откровенные страницы, по сути, целую новеллу.

«На Высших литературных курсах, – пишет Астафьев, – учился вместе со мной писатель Иван Панькин. – Талант его был крепок, голос свеж, выдумщик он и рассказчик совершенно очаровательный, а вот в жизни человек беспомощный».

Да, у таких людей, как Иван Панькин, не бывает житейских удач. Но зато бывают творческие!

Одной из вершин его творчества стала книга «Легенды о мастере Тычке», которая издавалась в разных издательствах страны, если не ошибаюсь, раз двадцать. И не только на русском, она переведена на языки других народов. Общий тираж ее перевалил уже за два миллиона.

Как-то писатель читал «Легенды о мастере Тычке» на оружейном заводе. Слушали его с удивительным вниманием. И вот, когда чтение закончилось, встает один из оружейников, такой ершистый старичок, и задает вопрос:

– Иван Федорович, вы же не коренной туляк?

– Нет.

– Вот! А о мастере Тычке написали так, будто в одном доме с ним жили. Наши же коренные тульские писатели о нем ни гу-гу! За-малчивают!

Старый оружейник воспринял образ Тычки, как реальное историческое лицо. И это – наивысшая похвала для писателя,

Книга «Легенды о мастере Тычке» от издания к изданию продолжает расти и пополняться. В основе почти каждой из легенд – местный фольклор.

Где и как его писатель собирает? Иван Федорович рассказал, что самую первую фольклорную находку о туляках он записал (вер-

нее, запомнил) прямо на улице. Стоят два мужика, разговаривают, один хвалится: «Дед у меня краснодеревщиком работал. Он так мог отшлифовать полено, что посадит блоху, она корячится-корячится, а прыгнуть не может».

Вот так же, из случайного разговора, писатель услышал слово «тычка», которое стало именем главного героя.

– Тычка какой-то... Фу, как незстетично, – морщились некоторые друзья-писатели. – Ты хоть знаешь, Иван, что оно означает, это слово?

Иван Федорович не знал. Поправилось – и все тут. И вот как-то встречает его знакомая женщина, кандидат наук, которая работала над словарем тульских оружейников. Разговорились. Оказывается, тычкой оружейники называли один из главных своих инструментов – керн. И писатель повеселел: не подвела его интуиция!

Искал Иван Федорович тульский фольклор и в крупнейших библиотеках страны – в Москве, Ленинграде. А в рижской библиотеке даже платил деньги сотрудникам, чтобы они выбирали для него пословицы и поговорки о туляках.

Книга «Легенды о мастере Тычке» – общечеловеческая, написана иносказательным русским языком. Это как библейские притчи, создать подобное – невероятно трудно.

И как тут не процитировать еще раз Виктора Астафьева, его «Зрячий посох»: «Как в ту пору, когда залавливала нужда, и теперь, когда жить полегче, Иван не ударялся и не ударяется в литературную халтуру, не отдает в печать ни одной сырой, десятки раз не переписанной, до звона не отделанной строки. Он настоящий работник в литературе...»

Вот почему, добавлю от себя, и тянется к нему литературная молодежь. Иван Федорович – и наставник ее, и защитник. Каких только козней не строили тульские литначальники, чтобы не принимать в свои ряды молодых авторов, не подпускать их к издательскому «пирогу». Как-то на общем писательском собрании, где много было шуму и даже крику по поводу работы с молодой сменой, Панькин рассказал такую притчу:

«Жили-были два лесника, которые подрубали друг у друга лес. Рубили-рубали и весь вырубали, одни пеньки остались. А лесники все с должности не уходят – пеньки охраняют.

Шел прохожий, спрашивает:

– Что вы здесь делаете?

– Лес охраняем.

– Но ведь леса давно нет! Вон он – вырос в другом месте...»

– Вот такая же картина и в нашей Тульской писательской организации, – заключил Иван Федорович. – Мы не заметили, как вырос «литературный лес» на периферии, в районах. Давайте хотя бы ему не подрубать корни!

* * *

Недавно на Куликовом поле Ивану Федоровичу Панькину была вручена литературная премия имени Преподобного Сергия Радонежского. Учредители премии – тульский Храм Двенадцати Святых Апостолов, Товарищество «Куликово поле» и Новомосковская городская организация инвалидов.

Справедливость торжествует, жизнь – продолжается.